

Влияние западноевропейских идей на формирование сознания русского дворянства первой четверти XVIII в.

С. И. Пудина

Национальный исследовательский университет «МИЭТ», Москва, Россия

pudina@bk.ru

Изучено влияние западных идей и образа жизни на психологию и поведенческие модели русского дворянства в первой четверти XVIII в. Рассмотрено западноевропейское влияние на изменение сознания дворянства. Проанализирован процесс разрушения традиционной замкнутости русского общества. Отмечена трансформация таких ценностей, как «честь отеческая», «честь чиновная». Рассмотрено воплощение западноевропейских идей в российском законодательстве («Табели о рангах»). Отмечено, что в рассматриваемый период дворяне прилежно выполняли дипломатическую службу при европейском дворе и на должном уровне представляли российские интересы.

Ключевые слова: дворянское сословие; шляхетство; мировоззрение; западноевропейские идеи; честь; традиции; сознание; право; ценности.

The Influence of Western European Ideas on the Consciousness Formation of the Russian Nobility of First Quarter of the 18th Century

S. I. Pudina

National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia

pudina@bk.ru

The author studies the spreading of Western ideas and way of life to psychology and behavioral models of the Russian nobility in the first quarter of the 18th century, considering the Western European influence on nobility's consciousness changes. The author did analyze the process of Russian society's traditional isolation destruction, marking the transformation of such values as "paternal honor" and "high-ranking honor". The author did consider Western European ideas embodied in the Russian legislation ("Order of ranks"). It is noted that the nobles diligently performed diplomatic service at the European court of justice and represented Russian interests at the proper level.

Keywords: nobility; Polish gentry; worldview; Western European ideas; honor; tradition; consciousness; right; values.

Проблема влияния западноевропейских идей и образа жизни на сознание представителей русского дворянства является актуальной в отечественной истории и философии и открывает для исследователей массу возможностей.

© Пудина С. И.

Особый интерес при изучении данной проблемы представляет собой процесс эволюции дворянских стереотипов мышления и образов действий, явившийся результатом непосредственного общения с иностранцами и путешествий дворян за границу. В результате расширения западного влияния русские дворяне XVIII в. превращались в «иностранцев в своем отечестве». Начало этому процессу положено в петровскую эпоху, в результате именно тогда возникла та «непреодолимая пропасть», разделившая членов высшего сословия (эли-ту) и простой народ («почву»), о которой так много спорят историки. Особенностью всего последующего XVIII в. стало расширение воздействия европейских норм жизни на высший слой русского общества. Прежде это влияние только «просачивалось» в русскую жизнь. В начале XVIII в. оно хлынуло волной.

По мнению М. М. Богословского, существовало два пути, по которым шло западное влияние: первый — через литературу. Если в XVII в. спросом пользовалась литература «изысканная», то в начале XVIII в. интерес у читателей стали пробуждать произведения с политическими и философскими размышлениями [1, с. 3]. Второй путь — это путь непосредственного общения с иностранцами.

До Петра I оба варианта были ограничены. Иностранцев в России не любили, «они жили в отдельных слободах, и русское правительство, а также церковь всячески пыталась оградить православного от общения с еретиками» [7, с. 97]. Всех иностранцев называли «немцами», т. е. немыми, так как русские не понимали неведомых им языков. Англичанин Дж. Перри сообщал: «Послам, отправлявшимся к иностранным дворам, не позволялось брать с собой сыновей своих. И под страхом смертной казни воспрещалось всякому москвиту

выезжать из страны без особого позволения патриарха» [7, с. 97]. Исследователь петровской эпохи А. К. Брикнер отмечал: «В то время каждый русский, хваливший чужие государства и желавший ехать туда, считался преступником» [2, с. 192]. Действительно существовало что-то вроде негласного запрета. Григорий Котошихин писал о поездках московских людей за границу: «Кроме тех, которые посылались по царскому указу и для торговли, ни для каких целей ехать не дозволено» [8, с. 2]. Все эти факты свидетельствуют о весьма негативном отношении населения к иностранцам, сложившемся в русском обществе допетровской России. Причиной подобного явления можно считать то, что русская средневековая личностная и общественная культура была «корпоративной» по сути: охраняемыми и почитаемыми ценностями были такие, как «своя среда», принадлежность к своему сословию, роду, общине, семье.

Таким образом, уже в начале преобразований перед Петром I обозначалась чрезвычайно трудная задача преодоления традиционной русской ксенофобии: негативного отношения русского общества ко всему иностранному, складывавшегося в течение долгого времени и ставшего результатом политики внушения обществу подобных идей русским правительством и церковью. При Петре I так много было взято на русскую службу иностранцев, что это вызывало недоумение и подчас открытое негодование у русских дворян. В период побед в Северной войне иностранец стал «проникать» в бывшую замкнутую русскую среду и как учитель. Старые нормы и традиции стали размываться за счет иностранного влияния.

Иностранный язык, ранее «немой» для русского дворянина, стал ему «понятен» благодаря распространению полиязыковой грамотности. Камер-юнкер

Ф.-В. Берхгольц называет многих русских, знающих языки уже к 20 годам. Он пишет, что 18 февраля 1722 г. в квартире у герцога Голштинского поставили «знатный» гвардейский караул, в его состав входили кн. Долгорукий (поручик), который говорил на французском языке, сержант кн. Трубецкой и капрал Апраксин, которые могли изъясняться на немецком языке [9, с. 106]. Так в Петровскую эпоху постепенно исчезала стена непонимания, возникшая некогда между западными европейцами и русскими дворянами, но одновременно стала создаваться «пропасть» между простым народом, оставшимся верным традициям, и высшим сословием России, представители которого постепенно превращались в «иностранцев» в своем Отечестве.

Большое влияние на изменение психологии русского дворянства Петровской эпохи, несомненно, оказали поездки за границу. Некоторые, очень немногие, из первых русских путешественников оставили записки о пережитом ими в Западной Европе. Эти записки дают нам великолепное представление как о людях, которые поехали за границу, так и о том, как меняется их отношение, сознание ко всему увиденному. По мнению А. Н. Пыпина, первые путешествия очень любопытны в плане общественной психологии. Путешественники были на самом перепутье от старой России к новой. Данное психологическое явление хорошо отразилось в сочинениях русских дворян первой четверти XVIII в., побывавших за границей. Это, прежде всего, записки И. И. Неплюева, Б. И. Куракина, А. А. Матвеева, П. А. Толстого. С их помощью можно заглянуть в души русских дворян эпохи Петра I, по воле царя попавших в Западную Европу; посмотреть глазами авторов записок и, проанализировав все это, выявить те эволюционные изменения,

которые произошли в результате воздействия на сознание дворян европейских понятий и стереотипов поведения.

Изменение и формирование нового отношения к Западу интересно отражено в дневнике Петра Андреевича Толстого. В нем любопытно переплетаются старая московская нетерпимость к «еретическому» Западу и новое «ученическое» отношение к нему, захватывавшее непосредственную натуру своими поражающими впечатлениями, даже против ее воли. Истинный москвитянин, полный воспоминаний об исконном соперничестве с Польшей, Толстой въезжает в пределы королевства, готовый все хулить и не одобрять, но по мере того, как он дальше продвигается по польскому краю, тон его заметок заметно смягчается. В венских императорских загородных садах московский путешественник увидел «много травы и цветы изрядные, посаженные разными штуками по пропорции, и множество плодовых деревьев с обрезанными ветвями, ставленных архитектурно, и немалое число подобию мужеска и женска полу из меди» [10, с. 196]. В Венеции ему понравились жители. Он пишет: «Венециане люди умные, политичные и ученых здесь много; однако нрав имеют, видом не ласковые, а к приезжим иноземцам зело приемны» [10, с. 541]. В Вероне Толстой удивлялся укреплению города, «математическим разумом уфортификованного» [10, с. 343]. В Венеции особенно поразил Толстого обряд обручения Венеции с морем, в котором принимал участие дож. В июне 1698 г. Толстой совершил путешествие на Мальту, где был принят великим магистром ордена Раймундом Переллосом Рокафулем, который разрешил представителю России ознакомиться с оснасткой кораблей и фортификационными сооружениями острова. А в Милане бывший

«ненавистник еретиков» уже пал ниц перед мраморной легендой собора с его обилием святынь и сокровищ, «коих там множество» [10, с. 350]. Любопытный и способный, Петр Андреевич быстро выучил итальянский язык, вел дневник, овладел военно-морской наукой, хотя на море не служил, а попал в дипломатическое ведомство. Два года, проведенных в Италии, сблизили Толстого с западноевропейской культурой.

Так постепенно Европа очаровала русского дворянина, исключая из его языка привычное москвитянину наименование всего западного «поганым». Скучные и довольно отрывочные заметки дневника не позволяют полно и глубоко понять все впечатления автора от поездки, но у читателя не остается сомнений, что П. А. Толстой возвратился на Родину в январе 1699 г., имея свидетельства об изученных им науках, грамоты, удостоверявшие его познания в мореходстве. Петр Толстой значительно пополнил свой умственный багаж, став, как говорится, лицом к Западу, почувствовал и усвоил — хотя, может быть, и поверхностно, но прочно — западную культуру. Он был уже пожилым человеком, когда сам вызвался ехать за границу, и этим следует объяснить некоторую неподатливость его сознания при восприятии смысла увиденного и услышанного им.

Совсем другое в этом смысле явление — записки князя Бориса Ивановича Куракина, представителя молодого поколения русских дворян Петровской эпохи. Он был на четыре года моложе царя. На двадцать первом году его отправили в первой партии стольников учиться навигации. Возвратившись, Куракин участвовал в Нарвском походе, во взятии Шлиссельбурга, ходил на судах азовского флота в Стамбул. В 1705 г. он должен был идти в Польский поход,

но по болезни получил отпуск и поехал лечиться за границу; объехал Германию, Голландию, Италию. С 1711 г. Куракин — полномочный министр русского царя при английском дворе и в Нидерландах, он активно участвует во всех дипломатических акциях петровского царствования, а с 1724 г. проживает «яко чрезвычайный и полномочный посол» в Париже, где спустя два года умирает [3, с. 54].

Обладая способностями к языкам, князь Борис быстро входил в общение с людьми тех стран, где он жил. Интересно, что даже записки его изобилуют различными иностранными словами, заимствованными из латинского, итальянского и французского языков. Куракин по своей натуре был человеком чрезвычайно общительным, что отразилось в его записках. Поэтому, в отличие от Толстого, его интересуют не только серьезные вещи, но и развлечения. Сравнивая Гаагу и Амстердам, он находит, что «лучший плезир форестирам в Голландии — в Гааге, нежели в Амстердаме»: «Первое, смотреть как переменяются пополудни три часа, гвардия конная и пехота караулов. Другое в каретах ездят... на вечер на ассамблеи кумпаниями, так, кто с кем согласен, те с теми и ассамблеи делают во всю неделю» [11, с. 321]. К концу жизни князь Б. И. Куракин так хорошо усвоил правила галантного общения, что среди французского двора сделался заметным лицом: иностранцы хвалили его и стремились иметь с ним деловые отношения.

Надо признать, что князь Б. И. Куракин смог проделать значительную эволюцию из потомков спальников царя Федора Алексеевича до европейского дипломата, научившегося мыслить и вести себя в соответствии с европейскими воззрениями и образцами поведения века Просвещения.

Еще большее воздействие европейские нормы жизни и идеи оказали на сознание графа Андрея Артамоновича Матвеева, что в полной мере отразилось в записках и фактах его биографии. В отличие от двух первых путешественников, он едет на Запад, обладая хорошей образовательной подготовкой, зная языки, хорошо понимая и то, что Франция и Париж эпохи правления Людовика XIV являются политическим и культурным центром современной ему Европы. Попав туда, Матвеев интересуется библиотеками и музеями как понимающий их значение человек. В отличие от Б. И. Куракина, памятник Карлу V в Генте для него не «мужик медный» (именно так князь Борис охарактеризовал статую Эразма Роттердамского), а подобие Карла V, цесаря римского.

Присматриваясь к французской жизни, А. А. Матвеев не увлекается одной только декоративной стороной, как многие из его соотечественников. Он умеет оценивать события и явления с государственных позиций: и тяжкое положение французского крестьянства, и первенствующее положение дворянства. Матвеев сопоставляет эти явления с российской действительностью. Он становится поклонником французских форм общезнания. Его интересует обучение дворянских детей. Матвеев старается понять, каким образом можно воспитать светского человека. Он отмечает, что такой человек воспитывается не на побоях, а «от доброго показания словесного... в прямой воле и смелости и без всякой трудности обучается наукам» [3, с. 48].

Поездки русских дворян за границу послужили основой «европеизации сознания русского дворянства». Это был один из многих путей, с помощью которых страна московитов превращалась в империю Всероссийскую,

а традиционное замкнутое общество — в общество европейского склада, с присущей ему свободой обращения. Кроме того, путешествия дворян за границу стали сильным толчком для изменения смыслового значения ряда дворянских понятий. И в первую очередь, западноевропейское влияние способствовало развитию в сознании членов высшего сословия иного, нового сословного представления о чести.

В России московского периода слово «честь» происходило от существительного «отец» и указывало на принадлежность человека к определенному роду. «Честь» мог иметь, исходя из подобной логики, только знатный человек: она воплощала доказательства славных дел его предков. Дворянин обязан был сохранять незапятнанной отеческую честь в течение всей своей жизни, чтобы с гордостью передать затем потомкам. В соответствии с таким стереотипом мышления, личность дворянина если и оказывала влияние на его честь, то не в настоящем, а с проекцией на честь потомков. В этом ключе следует понимать и слова царя Алексея Михайловича, ставшие пословицей: «Береги платье снову, а честь — смолоду».

В отличие от России, в Западной Европе в течение всего Средневековья активно складывался «кодекс дворянской чести», в основе которого лежало совершенно иное представление о ней. «Честь» для европейца не являлась родовым понятием, она обуславливалась целым рядом причин, среди которых главными были личные качества рыцаря, его доблесть, достоинство, мужество, смелость. Западная дворянская культура создает себе идеал, который подразумевает полное изгнание страха и утверждение чести как основного императива поведения рыцаря. В этом смысле значение приобретают занятия,

демонстрирующие бесстрашие. В более позднее время возникает такое явление западной дворянской жизни, как дуэль.

В петровскую эпоху в души и умы русских дворян стал проникать и европейский смысл понятия «честь». Большую роль в этом процессе сыграла, с одной стороны, государственная политика: Петр и его приближенные активно продвигали идею «личной годности», в которой родовому понятию чести отводилась второстепенная роль. Петр I старался привить царедворцам чувство личной чести европейского типа, «в высокой степени индивидуализированной», основанной на культивации собственного Я, а не на происхождении [4, с. 370]. С другой стороны, сильное воздействие на формирование нового содержания понятия «честь» оказали путешествия дворян за границу, где они сами могли познакомиться с местными нравами и обычаями, а также оценить их и сравнить с российскими нормами жизни.

Во время пребывания русских за границей происходило столкновение двух различных стереотипов мышления относительно одного слова «честь», но постепенно в среде шляхетства и дворянства под влиянием западноевропейских идей, при прямом воздействии государства, начинает формироваться понятие «чести» как основного законодателя ответственного поведения человека. Вместе с тем вхождение в сознание русского шляхетства элементов западного понимания чести как главного достоинства дворянина ускорило развитие в дворянской среде нового социального настроения. В России идея личности и светскости получает импульс к развитию в связи с введением ассамблей в 1718 г. Государством была предпринята попытка порвать с традиционной замкнутостью в сфере досуга,

процветавшей в допетровские времена: тем самым были сформированы условия для формирования светского общества и светской жизни. Указ об учреждении ассамблей гласил: «Ассамблея — слово французское, которое на русском языке одним словом выразить не возможно; обстоятельно сказать — вольное в котором доме собрание или съезд; делается и не только для забавы, но и для дела, ибо тут можно друг друга видеть и о всякой нужде переговорить, даже слышать, что где делается, притом и забава...» [12, т. 5, № 3241]. Ассамблея стала одной из первых форм организации светской жизни. Формы отдыха, общения молодежи, календарного ритуала, бывшие в основном общими и для неродной, и для боярско-дворянской среды, должны были уступать место специфической дворянской культуре.

Таким образом, во время царствования Петра I в России создалась благоприятная атмосфера для проникновения в русское общество западных идей. Под их влиянием постепенно началось изменение традиционных стереотипов мышления русского дворянства; были заложены основы для осмысления западноевропейского понимания слова «честь» как основного законодателя поведения дворянина.

В Петровскую эпоху шел процесс разрушения прежней замкнутости, существовавшей в средневековом русском обществе. С введением в 1718 г. ассамблей была открыта дорога для рождения светского общества в России. Благодаря им, а также путешествиям русских дворян за границу и законодательной политике царя, личность на русской почве вступила в свои безусловные права, оторвалась от непосредственных, природных, исключительно-национальных определений, победила их и подчинила себе. Все вместе это способствовало созданию

общей психологии дворянского сословия в России, ориентированной на западно-европейские нормы поведения.

Литература и источники

Литература

1. **Богословский М. М.** Быт и нравы русского дворянства в первой половине XVIII века. Изд. 2-е. Пг.: Задруга, 1918. 47 с.
2. **Брикнер А. Г.** История Петра Великого: в 2 т. Т. 1. М.: Терра, 1996. 350 с.: ил., портр.
3. **Князьков С. Е.** Очерки из истории Петра Великого и его времени. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Изд. Книжного магазина П. В. Луковникова, 1914. 648 с., 7 л. ил.
4. **Коллман Н. Ш.** Соединенные честью / Пер. А. Каменского. М.: Древлехранилище, 2001. 464 с.
5. **Лотман Ю. М.** Беседы о русской культуре: быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX в.). СПб.: Искусство-СПБ, 1994. 398 с.
6. **Пудина С. И.** Дворянская служба в конце XVII — первой четверти XVIII вв.: идеология и практика: автореф. дис. ... канд. истор. наук. М., 2012. 28 с.

Источники

7. **Перри Дж.** Состояние России при нынешнем царе / Пер. княжны О. М. Дондуковой-Корсаковой. М.: В Университетской тип., 1871. VIII, 193 с.
8. **Котошихин Г.** О России в царствование Алексея Михайловича. Изд. 2-е. СПб.: В тип. Эдуарда Праца, 1859. XVI, 164 с.
9. **Берхгольц Ф.-В.** Дневник камер-юнкера, веденный им в России в царствование Петра Великого, с 1721-го по 1725-й год: в 4 частях. Ч. 1—3. М.: Университетская типография, 1903. 304 с.
10. **Толстой П. А.** Путешествия стольника Толстого // Русский архив. Вып. 2. 1688. Кн. 1. С. 161—202; Вып. 3. С. 321—364; Вып. 4.
11. **Куракин Б. И.** Жизнь князя Бориса Ивановича Куракина, имь самимъ описанная, 1676 — июля 20-го — 1709 гг. // Архивъ кн. Ѳ. А. Куракина. Книга первая. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1890. С. 241—287.
12. Полное собрание законовъ Россійской Имперіи, повелѣніемъ Государя Императора Николая Павловича составленное. Т. III — VII. СПб.: Тип. II Отд. Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, 1830.

Поступила 16.02.2018

Пудина Светлана Ивановна — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, государства и права Национального исследовательского университета «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, г. Зеленоград, пл. Шокина, д. 1), pudina@bk.ru

References and Sources

References

1. Bogoslovskii M. M. Byt i nrvy russkogo dvoryanstva v pervoi polovine XVIII veka (Daily Routine and Morals of Russian Nobility in the First Half of 18th Century), Izd. 2-e, Pg., Zadruga, 1918, 47 p.
2. Brikner A. G. Istoriya Petra Velikogo, v 2 t. (History of Peter the Great, in 2 Vols.), T. 1, M., Terra, 1996, 350 p., il., portr.
3. Knyaz'kov S. E. Oчерki iz istorii Petra Velikogo i ego vremeni (An Outline of Peter the Great and His Time History), 2-e izd., ispr. i dop., SPb., Izd. Knizhnogo magazina P. V. Lukovnikova, 1914, 648 p., 7 l. il.
4. Kollman N. Sh. Soedinennye chest'yu (By Honor Bound), Per. A. Kamenskogo, M., Drevlekhranilishche, 2001, 464 p.
5. Lotman Yu. M. Besedy o russkoi kul'ture: byt i traditsii russkogo dvoryanstva (XVIII — nachalo XIX v.) (Conversations about Russian Culture: Daily Routine and Traditions of Russian Nobility (18th to Early 19th Century)), SPb., Iskusstvo-SPB, 1994, 398 p.
6. Pudina S. I. Dvoryanskaya sluzhba v kontse XVII — pervoi chetverti XVIII vv.: ideologiya i praktika, avtoref. dis. ... kand. istor. nauk (Nobiliary Service in the End of 17th — First Quarter of 18th Centuries: Ideology and Practice, Extended Abstract of Cand. Sci. (Hist.) Dissertation), M., 2012, 28 p.

Sources

7. Perri Dzh. Sostoyanie Rossii pri nyneshnem tsare (The State of Russia under the Present Czar), Per. knyazhny O. M. Dondukovoi-Korsakovoi, M., V Universitetskoi tip., 1871, viii, 193 p.
8. Kotoshikhin G. O Rossii v tsarstvovanie Alekseya Mikhailovicha (About Russia under Aleksei Mikhailovich), Izd. 2-e, SPb., V tip. Eduarda Pratsa, 1859, xvi, 164 p.
9. Berkhol'ts F.-V. Dnevnik kamer-yunkera, vedennyi im v Rossii v tsarstvovanie Petra Velikogo, s 1721-go po 1725-i god, v 4 chastyakh, Ch. 1—3 (Diary of Chamber-Junker Kept by Him in Russia in the Reign of Peter the Great, from Years 1721 to 1725, in 4 Parts, P. 1 to 3), M., Universitetskaya tipografiya, 1903, 304 p.

10. Tolstoy P. A. Puteshestviya stol'nika Tolstogo (Travels of Tolstoy the Stolnik), *Russkii arkhiv*, Vyp. 2, 1688, Kn. 1, pp. 161—202, Vyp. 3, pp. 321—364, Vyp. 4.

11. Kurakin B. I. Zhizn' knyazya Borisa Ivanovicha Kurakina, im" samim" opisannaya, 1676 — iyulya 20-go — 1709 gg. (Life of Prince Boris Ivanovich Kurakin Described by Him Himself, Years 1676 — July 20th — 1709), *Arkhiv" kn. O. A. Kurakina*, Kniga pervaya, SPb., Tip. V. S. Balasheva, 1890, pp. 241—287.

12. Polnoe sobranie zakonov" Rossiiskoi Imperii, povelienim" Gosudarya Imperatora Nikolaya Pavlovicha sostavlennoe (Complete Collection of

Laws of the Russian Empire, Composed by Decree of His Majesty the Emperor Nikolay Pavlovich), T. III — VII, SPb., Tip. II Otd. Sobstvennoi Ego Imperatorskago Velichestva Kantselyarii, 1830.

Submitted 16.02.2018

Pudina Svetlana I., candidate of historical sciences, associate professor of Russian History, State and Law Department, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin sq., 1), pudina@bk.ru